

Ремнев Владимир Александрович, Комлева Анна Викторовна

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РАЗГОВОРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/2/76.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (45). С. 218-226. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Таким образом, под тяжестью критики своих оппонентов младограмматикам пришлось несколько уточнить выражение «не знают исключений». Под давлением фактического материала пришлось признать, что сфера действия звуковых законов ограничивается целым рядом факторов, таких как: пространственные и хронологические пределы, встречные действия аналогии, позднейшие иноязычные заимствования, различные произносительные условия.

Следует отметить, что самих фактов и обобщений, называемых звуковыми законами, никто не отрицал, критиковалось лишь понятие «звуковой закон». Таким образом, критики выступали против механистичности этих законов, то есть попытки младограмматиков придать им естественнонаучный характер. Само понятие закона в науке в целом представлялось ясным и неоспоримым, как, например, законы Ньютона в механике. Проблема же звуковых законов (поскольку звуки воспроизводятся человеком) виделась в том, насколько они (законы) могут подходить к материалам человеческого языка. Как следствие младограмматикам пришлось не только формулировать факторы, ограничивающие звуковые законы, но и дать четкое определение понятию «звуковой закон», дать четкую интерпретацию тому, что принято считать звуковым законом. Так, Пауль в своем труде «Принципы истории языка» писал: «Прежде всего необходимо уяснить себе, что вообще следует понимать под звуковыми законами. Слово «закон» употребляется в весьма различных значениях, что легко может привести к путанице. Понятие звукового закона не следует употреблять в том смысле, в каком мы говорим о законах в физике или химии ... Звуковой закон не содержит в себе указаний на то, что непременно должно наступить всякий раз при данных общих условиях, он констатирует лишь регулярность определенной группы исторических явлений» [6, с. 87]. Дельбрюк, как и Пауль, также не может примириться с определением звуковых законов, как законов природы. По этому поводу он пишет следующее: «С химическими или физическими законами эти исторические единообразия, очевидно, не имеют никакого сходства. Язык складывается из человеческих поступков и действий, и поэтому звуковые законы относятся не к учению о закономерности в явлениях природы, а к учению о закономерности человеческих поступков, по-видимому, произвольных» [3, с. 135].

Звуковым законам он дает следующее определение: «Звуковые законы, устанавливаемые нами, суть, как это оказалось, не что иное, как единообразия, возникающие в известном языке и в известное время, и имеющие силу только для этого языка и времени» [Там же]. При этом он сомневается, применимо ли к этим явлениям выражение «закон», но при этом он находит, что «в языковом употреблении понятие «звуковой закон» настолько утвердилось, что уже не может быть искоренено», и уже невозможно предложить лучшего термина вместо него. По этому поводу он пишет: «Термин этот, кроме того, безвреден, если помнить твердо, что он не может иметь никакого другого смысла, кроме здесь означенного» [Там же].

Список литературы

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1998. 367 с.
2. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. История языкознания. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 672 с.
3. Дельбрюк Б. Введение в изучение языка (из истории и методологии сравнительного языкознания). М.: Едиториал УРСС, 2003. 152 с.
4. Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. 466 с.
5. Левицкий Ю. А., Боронникова Н. В. История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 2005. 301 с.
6. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. 500 с.
7. Соссюр Ф. де. Заметки об общей лингвистике. М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. 280 с.
8. Шарадзенидзе Т. С. Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее место языкознании XIX-XX веков. М.: Наука, 1980.
9. Шухардт Г. О фонетических законах // Избранные труды по языкознанию. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 23-55.
10. Brugmann K. Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1885.
11. Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1878.

УДК 81'373

Владимир Александрович Ремнев, Анна Викторовна Комлева
Международный институт независимых педагогических исследований

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РАЗГОВОРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА[©]

В условиях современной коммуникативной сути общественной жизни социума ясно виден словесный образ нашего современника - преобладание в нем черт «неандертальской лексики» - свидетельство утраты основных принципов морально-нравственного императива Бытия человека.

Нарратив среды отторгает в принципе полифакторность существа как биосоциальной системы. На первый план выступает простейшая ролевая игра: свой - чужой, которая формирует мышление, сознание, эокоязык «своего» в противовес «чужого». Семантика профессионального языка «блатных» уходит своими корнями в историческое прошлое.

Согласно социолингвистическим исследованиям О. Д. Мирлаевой лексический состав жаргонной лексики делится на следующие категории:

1. *Профессиональные языки*, под которыми понимаются языковые подсистемы, обслуживающие специальные сферы общения людей, объединенных общей профессиональной деятельностью. Профессиональные языки, в свою очередь, подразделяются на собственно специальные языки и профессиональные жаргоны.

2. *Условные языки (арго)* являются своего рода профессиональными языками. Но основной функцией условных языков является криптологическая, то есть, главное предназначение арго заключается в секретности.

3. Воровской жаргон выполняет коммуникативную и предикативную функции, являясь паролем принадлежности к преступному миру. Воровской жаргон базируется на нелитературных формах существования языка.

4. Под групповыми или корпоративными жаргонами обычно понимаются языковые образования, основанные на социальном обособлении людей. К этой подсистеме относится и молодежный жаргон, являющийся разновидностью национального языка, вторичным средством общения, использует фонетику и грамматику первичной коммуникативной системы (литературный язык, разговорная речь, территориальный диалект).

Две главные особенности отличают воровской жаргон от других жаргонов: вещность и оскорбление.

1. *Вещность*. В качестве определяющего признака слова берется какая-то зримая, обоняемая, осязаемая черта. Абстрактное представление для кодировки не годится, за очень редкими исключениями (например, *центр* - хорошая вещь, заслуживающая того, чтобы ее украли). Благодаря такому отбору язык делается образным, он рельефно изображает то, о чем говорится, например: *туз* - задница. Язык, о котором мечтает каждый писатель - вероятно, в этой возобновившейся первоначальной картинности слова, в его яркости, в его меткости и таится добрая доля очарования, какое он явил для молодежи. В этом языке мыслят картинками, признаками, чертами, а не абстракциями - он апеллирует к чувству, а лишь через него - к разуму: логика дикаря или ребенка.

2. *Оскорбление* как гносеология (теория познания).

Поскольку в качестве кода объекта выбирается какой-либо признак этого или иного объекта, часть выступает как целое.

Так появляются словечки - оскорбления: *звонарь** - цепная собака.

Как отмечает С. Снегов, *воровское кодро** - «сообщество», скрепленное взаимным страхом, непрерывным ожиданием опасности - не только извне, но и от своих, порождает такое же непрерывное недоброжелательство. Вместо «я тебя люблю» появляется цинично-издевательское «я на тебя упал». Вместо друга - *кореш*, вместо мудреца и руководителя - *пахан**. Вместо содружества - *кодро*, вместо работать - *вкalyвать*. Вместо ножа - *перо**. А такие категории, как нежность, ласка, привязанность, честность, верность, открытость, стойкость, доброта, самопожертвование, и сотни им содружественных, - вообще изгнаны из лексики, ибо нет их в жизни блатного. Высшая степень оценки человека - цедимые сквозь зубы «правильный мужик», «правильная баба». Блатной язык не признает восхвалений человека, он обслуживает лишь его унижения. Такова гносеология блатного - все сволочи, от любого жди подлости, а что сверх того - то «непонятное» [15].

Функция воровского жаргона, по словам С. Снегова, - словесный камуфляж. Блатная речь предназначена для профессиональной информации, к тому же такой, чтобы в нее не вник посторонний. Другая причина, скрыть или замаскировать преступный характер замыслов и действий, сделав речь «паролем» своих. Как вышло так, что помимо литературного языка существует другой язык, язык-пасынок? Ответ мы найдем в истории нашей страны.

Русский воровской жаргон явление настолько необычное насколько необычна сама русская история. По словам исследователя русского языка М. Грачева известны многочисленные дореволюционно классово-прослоечные жаргоны - дворян, купцов, духовенства, чиновников; производственные жаргоны - электриков, каменщиков, наборщиков, артистов; жаргоны людей, объединяющихся по интересам и увлечениям, - рыболовов, картежников, доминошников, спортсменов, коллекционеров, молодежный, студентов, солдат, матросов. И особая ниша, которую занимает арго деклассированных элементов - воров, шулеров, нищих, проституток, беспризорников, бродяг.

Лексику деклассированных слоев населения называют по-разному: акцент, арго, арго воров (преступников), арго деклассированных элементов, байковый язык, блатная музыка, блатная феня, воровской язык, жаргон воров (преступников), жаргон деклассированных элементов, тюремное арго, тюремный жаргон, тюремно-лагерный жаргон, тюремный язык, музыка, рыбий язык, стук по блату, уголовный жаргон, условный язык преступников (воров), феня, язык преступников.

Слово «арго» представляет собой искаженное «эрго» (франц. *ergot*) - «шпора петуха», символ воровского ремесла. Французские преступники XVI-XVII веков, чтобы узнавать своих, привязывали к поясу эту часть петушиной лапки. Что-то подобное было, вероятно, и у русских преступников. Вещественные символы были очень распространены [12].

Появление такого значка означает, что данное слово имеет карточку. Например, звонарь.

С середины XIX в. слово «арго» во Франции стало применяться, по мнению исследователя В. Н. Портяниковой, для обозначения и лексики деклассированных слоев населения, и различных жаргонов, и даже фамильярно-разговорной речи парижан [16].

Впервые слово «арго» появляется в русской литературе в 1860-х году. В романе «Петербургские трущобы» (1866) Всеволод Крестовский утверждал, что русские деклассированные элементы имеют свое арго.

В России этот термин получил распространение среди языковедов лишь в начале нынешнего века. В середине же 19-го века, когда только начали исследовать воровской язык, его назвали условным языком преступников, известным под именем музыки или байкового языка. *Байковый* - от слова «байка» - побасенка, сказочка. Слово «байка», в свою очередь, образовалось от «баять» - говорить. Вероятно, сразу же возникают ассоциации со словом *баян* - музыкальный инструмент. Уж очень заманчивая словарная цепочка: байковый язык - баять - баян - музыка. Но музыкальный термин *баян* появляется лишь в конце XIX века. В начале нынешнего века к слову *музыка* прибавилось и слово *блатная*. В 1908 году вышел словарь В. Ф. Трахтенберга с таким названием: «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы». «Блатная» - от слова «блат».

Первой фиксацией слова *блат* (точнее, его производного) является очерк А. И. Куприна «Вор» (1895): «Промежуточную ступень между ворами и обыкновенными людьми составляют «блатные», то есть пособники, покровители или просто глядящие сквозь пальцы люди всех чинов и званий». Следовательно, по Куприну, *блат* означало пособничество, покровительство преступникам.

Несколько иное толкование дает словарь Трахтенберга: «Блат - всякое преступление. Какого бы рода оно ни было (кража, убийство, грабеж)». Название это происходит либо от немецкого *Blatt* - лист (открытый лист, сопровождающий арестанта, в который вписано совершенное им преступление). Есть и другое мнение советского филолога В. В. Стратена, вслед за немецким и польским учеными С. Ключе, А. Ландау, А. Курка, утверждают, что самый термин *блатной*, столь теперь уже известный и обозначающий представителя преступного мира, «своего», перешел через польские арго из немецкого *Rotwelsch*. В записях, приведенных Ключе, находим: *platt* - доверенный, дружеский.

У самых деклассированных есть и свои обозначения арго. Самое распространенное - *феня*. Но *феня* - не в честь любимой женщины. *Феня* - это низменное *офеня*. Так назывался раньше коробейник, торговец мелким товаром. В песне «Ой, полна, полна коробушка» на стихи Н. А. Некрасова как раз и поется про офеню. У офеней был свой условный язык. Значительное количество слов из него перешло в арго. Даже фразеологизм *по фене ботать*, появившийся в 1910-х г., преступники не только обогатили, но и *стучали по фене, куликали по-свойски*. Несколько позже уже стали *курсать* или *курсать по фене*. Слова *курсать, куликать* обозначают только «говорить на арго» и ни в коем случае не заменяют нейтральное «говорить» [13].

Принцип метонимии применяется в словообразовании фразеологизмов «чирикать на рыбьем языке» - разговаривать на арго. *Чирикать* может иметь и нейтральное значение - говорить. Рыбий язык - это арго. Вне фразеологизма *чирикать на рыбьем языке* сочетание *рыбий язык* в речи преступников употребляется редко.

Арго зародилось не вдруг, и не в одном месте. И не от условных обозначений какой-то социальной группы - тех же офеней. Оно появилось с того времени, когда на Руси возникает власть имущих. Нарождаются города, общество начинает расслаиваться, возникает организованная преступность. Языковед Б. А. Ларин отмечал, что стихийная выработка жаргона диктовалась необходимостью. Тайная речь воровской организации развивалась вместе с преступниками. Д. С. Лихачев справедливо утверждает, что самым старым и более всего исторически известным среди арго является воровское. Там господствует еще не столько социальная, сколько территориальная дифференциация арго, что и вообще характерно для языковой эпохи. Иными словами, в каждой местности, в каждом территориальном диалекте существовало свое арго. Офенский и близкие к нему языки (ответвления) носили специальные наименования: кантюжный, ламанский.

Впервые воровские слова были зафиксированы в книге Матвея Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина» (1779). В ней отмечено около 140 арготических слов и словосочетаний: *стукалов монастырь* - тайная канцелярия (ср. с совр. *стучать* - доносить), черная *работа* - воровство (совр. *работа* - воровство) [7].

К середине XIX в. сложилась четкая иерархическая система уголовников. Уже к концу XIX - началу XX века арго делилось на общеуголовное (слова, употребление всеми деклассированными элементами, например: *казак* - вожак арестантов) и специализированное.

Часть населения, в основном малокультурная, считала арго пролетарским языком и противопоставляла его литературному «буржуазному». Некоторые молодые люди даже гордились применением арготизмов. Итак, ряд арготизмов стал жить в двух средах - уголовной и социально-нормальной. Такими были, например, *луна**, *фраер** [13].

Язык преступного мира после тысяча девятьсот семнадцатого года претерпел значительные изменения, связанные с переменами в обществе. Множество дореволюционных арготизмов было приспособлено к новым условиям. Ср.: значение слова в арго дореволюционном и в арго двадцатых - тридцатых годов: *мент* - тюремный надзиратель - милиционер.

Нарождаются и новые блатные слова: *кранты* - конец чего-либо, смерть. Это связано с зарождением в начале 1920-х годов нового типа преступников - «воров в законе». Они соблюдали определенную воровскую «честь», традиции, церемониалы, не должны были работать, служить в армии, участвовать в художественной самодеятельности. За измену преступной среде полагалась смерть. Арго продолжает пополняться. Это были обозначения «врагов народа»: *литерка, литерник, троцкист, полит* - политический заключенный [Там же].

1. *Первый* и наиболее простой прием словообразования - семантическая специализация, сужение смыслового значения слов и выражений обычного языка, усечения, сокращения, аббревиатуры.

2. *Второй* способ - формирование лексики в специальных языках и арго - многозначность слова: переносное, метафорическое употребление общелитературных слов и выражений, метонимическое, и как разновидность синекдоха, гораздо чаще используемая. Полисемия, омонимия, синонимия.

Пример синекдохи - *баццлла** (масло), *букет* (набор статей).

3. *Третий* способ профессионального и арготивного словотворчества связан со словообразованием, где часто используются префиксы, суффиксы.

4. *Четвертый* способ. В специальных словах содержится устаревшая лексика, архаические элементы.

5. *Пятый* способ. В них немало иноязычных заимствований. Заимствования в свою очередь подразделяются на гебраизмы, цыганизмы, тюркизмы, англицизмы, галлицизмы, скандинавизмы, финно-угорские заимствования.

6. *Шестой* способ - неологизмы.

7. *Седьмой* способ - словесное творчество.

Актуальность современного словообразования блатного жаргона подробно рассматривается в работах многих лингвистов, в частности Э. С. Санджи-Горяева уделяет внимание усечению основ различных частей речи как способу словообразования разговорной речи, и выделяет суффиксацию как один из вариантов [14]. Так, в статье Е. А. Земской «Понятие производительности, оформленности и членимости» указывается, что «...наиболее интересны и показательны случаи, когда способом образования нового слова является усечение производящей основы и производственная основа включает лишь нулевой аффикс», например, *скурвиться** - *курва*.

Усечение основ глаголов. Отсекается финальная часть слова вместе с суффиксом, часто, это суффикс - *н*. Например, *стопор* от *стопорнуть**, - *ч* - *стук* от *стучать*.

Усечение основ прилагательных: *фарт* от *фартовый**. Фонемный состав оставшейся части не меняется, новое слово сохраняет ударение производящего, оформляется нулевым словообразующим аффиксом и самостоятельно функционирует в речи с точки зрения семантики.

Усечение основ именных существительных. Усечению подвергаются слова преимущественно длинные либо состоящие из двух корней, либо однокорневые, усложненной конструкции. Процесс усечения охватывает в первую очередь заимствованные слова, превышающие по длине среднюю длину русского слова, например, *блат* от *блаттер*, *фарца* от *фарцовщик**.

Слова, возникшие путем усечения существительных, дублируют значение своих производящих. В отличие от слов, образуемых от прилагательных, они не имеют нулевого словообразующего аффикса. Являясь стилистическими вариантами соответствующих нейтральных наименований, в целом усеченные существительные гораздо экспрессивнее, чем отъядективные образования: *лешила**, *падла*, *паскуда**. Это обуславливает несколько периферийный характер их функционирования и, следовательно, ограниченную возможность проникновения в литературный язык.

Усечение заимствованных слов: *коц**- *коцы*.

Усечение финальной части с суффиксом *спикуль* - *спекул'ант*.

Бессуффиксальные варианты названий лиц по национальному признаку (в будущем усечение представляет норму) *азер* - *азербайджанец*.

Усечение существительных близких к аббревиации, так называемое «аморфное усечение», применяемые с основным в татуировках, например:

Лозунги о свободе: *ЛСКЧВ* - люблю свободу, как чайка воду.

Клятвы, лозунги в отношении правоохранительных органов и предателей: *ИПА* - ищи, режь актив, *СЛЖН* - смерть легавым - жизни нет, *СЛЖБ* - смерть.

Пожелания: *ВЛКСМ* - возьми лопату, копай себе могилу, *СПВ* - слова павшим ворам, *ТМЖ* - тюрьма мешает жить, *ПОСТ* - прости отец, судьба такая. Иногда аббревиатуры составляют из букв латинского алфавита: *SOS* - спасите от суда, суки отняли свободу, *BOSS* - был осужден советским судом.

Почти все сокращения накальваются на руках, и только одно - *ВОР* (*Вафлер*, *Открой Рот*) - насильственно на щеке [4].

В современной разговорной речи проявляет высокую продуктивность словообразовательный тип со значением «лицо - носитель признака»; особенность имен лиц, образованных путем усечения, является резкая оценочность, например, *фартовый** [9].

Своеобразие усечения имен существительных обнаруживается в их строении. В разговорной речи встречается два вида отсубстантивных усечений:

а) усечение сложных и сложносоставных слов, линия усечения, проходит на границе двух корней (тип: *брод(вей)*);

б) усечение простых слов: отсекается суффикс + добавляется суффикс (*финач** - финка).

Образование видовых глагольных форм выявляет специфику их жаргонного употребления. Ср. видовые пары: «крутиться» (несов.) - «раскрутиться*» (сов.).

Большую часть словообразования занимают переосмысления слов общенародного значения, куда входят и существительные, и прилагательные, а также глаголы и другие части речи. Например, *авторитет**, *ажур**, *базлать**. Происходит то, что можно условно назвать абберацией (отклонение, искажение) грамматических и словообразовательных категорий.

Чем это вызвано? На наш взгляд, тем, что в фонетико-экспрессивный (образно-фонетический) аспект превалирует над формально-словообразовательным и грамматическим. Для арготирующего важен фонетический образ слова, «фонетическая метафора» (см., например, - *a*), под которой могут «подгоняться» совершенно различные грамматические формы.

Далее, подобное «фонетическое метафоризирование» в арго идет по пути создания, числа моделей, которые определяются ритмикой слова. Суффиксы, переведенные в пласт метрико-поэтической терминологии:

Хореическая модель	Ямбическая модель	Амфибрахическая модель	Анапестическая модель
- 'ик (дурик)	-ак (нечтяк)	-ага (доходяга)	-ан (корёфан)
- 'ха (пруха)	-ан (друган)	-ара (водяра)	-ок (придурок)
	-арь (попкарь)	-ура (ментура)	
	-ач (строгач)	-урик (жмурик)	
	-о (рыжевьё)	-оха (летёха)	

Во-первых, видно, что и в арго преобладает «ямбическая» модель. Она (как и в поэзии) наиболее проста. В поэзии она больше всего соотносится унифицированной, примитивизированной обстановке. Во-вторых, можно сказать, что вообще в арго преобладает «мужская структура», то есть ударение на конце слова. Это проявляется, в частности, и в том, как спрягаются «ямбические» существительные. Например, *пахан** «отец» - *пахана, паханов, шишкарь* - *шишкаря*, то же и в односложных словах: *грин* - *грина, мент* - *мента*.

В-третьих, совершенно очевидно, что структура арготического слова стремится к двум пределам: либо к максимальному примитивизму, либо к сверхсложной организации.

Полисемия, омонимия под омонимиями понимаются два и более слова, состоящие из тождественных фонем и различающиеся только семантически или грамматически или семантически и грамматически одновременно [Там же].

Необходимо выделить синонимы и синонимические ряды, являющиеся неисчерпаемым источником словообразования. Синонимические ряды: *шнифты, фары, бибики* - глаза оттяпать.

Экспрессивность слов и выражений отмечается подбором соответствующих синонимов из общеупотребительной лексики. Например, «базарила» - болтун, «дрёфло» - трус, «дятел» - дурак, «очкануть» - струсить, испугаться, «сука*» - изменник, предатель, «чурка» - азиат, «халява» - дармовщина, «ряшка» - морда.

В качестве примера устаревшей лексики - *скокарь*, слово употребляется, но носителями языка воспринимается как устаревшее.

Из архаизмов выделю распространенный семантический архаизм - *толковище*.

Займствования

В 80-х, 90-х годах XIX века в России расширились политические, экономические и культурные связи России с Западной Европой и всем миром. И в русское арго широким потоком хлынули слова западноевропейского происхождения - французского, английского, немецкого. Займствования были двоякого рода: из общенародных языков и из иностранных арго [Там же].

Гebraизмы

Согласно мнению дореволюционного ученого М. М. Фридмана, в русский воровской жаргон вошло довольно значительное количество еврейских слов. Это обстоятельство можно объяснить тем, что некоторые профессиональные группы еврейского населения по роду своей деятельности весьма близко стояли к миру профессиональных гангстеров, являясь неизбежным посредником во взаимоотношениях уголовных элементов с обществом. Таковы были держатели «шинков» - скупщики краденого и контрабанды, мелкие торговцы и ростовщики. Язык, на котором говорили русские евреи, был немецким диалектом, огромным количеством инородных элементов, заимствованных евреями во время бесконечных странствий по всей Европе. Начиная с раннего средневековья до XVI столетия включительно. В современном еврейском языке сохранилось довольно значительное количество древнееврейских слов, которые по своей функции весьма похожи на церковнославянизмы в системе современного русского языка. Эти слова, в большей своей части обозначающие предметы и понятия, тесно связанные с религией, обрядом или культом.

По весьма понятным причинам устояли в процессе вытеснения древнееврейского языкового субстрата немецким и другими европейскими языками (в том числе и славянскими). Эти гebraизмы подчинились и доминирующей системе произношения и морфологии, и синтаксису нового усвоенного диалекта.

Гebraизмы делятся на три группы:

а) слова древнееврейского происхождения, обозначают и в воровском, и в древнееврейском одни и те же предметы и понятия:

Мусор - агент уголовного розыска (древнеевр. *musor* - наставление, указание, более позднее *muser* - доносчик). Контаминировалось с русским «мусор» как ярко отрицательнооценочным.

Хазер (*chasir*) - свинья.

Шмира (*schmiere*) - ночная стража.

Шмирник (*schomar*) - сторож, стеречь.

Галах - босяк.

Хипес - ограбление при участии красивой проститутки.

Малахольный - глуповатый блажененький происходит от древнеевр. *Maloch* - ангел.

Быть на лаване - скрываться от полиции (от древнеевр. *Lwona* - луна).

Хавир - лицо, которому опускают бумажник во время тревоги.

Хевра - воровская компания, шайка, *хевраки* - члены воровской шайки.

Все эти слова произошли от древнееврейского корня (*chewer*) и (*chower*) «общество, содружество, товарищ, друг». Здесь тоже ясен принцип перенесения: лицо, которому опустили бумажник, оказывается в роли невольного товарища. Это слово имеется и в польском воровском аргю.

Здесь мы видим характерный пример «вживания» иноязычного элемента в аргю. Тот же процесс иногда встречается и в жарготической сфере (ср. хрест. *сальный* от фр. *sale* - сальный анекдот). В аргю же подобная мимикрия является скорее нормой, чем исключением.

Число европейских заимствований в русских аргю не так велико. Помимо уже приведенных примеров можно еще указать на такие арготизмы как *шлимазл*, *шлимазер* - «дурак, тупица, недотепа»; *тухес*, *тухас* - «задница»; *нахес* - «счастье» (ср. пословицу: *хороший тухес - это тоже нахес*); *цимус* - «нечто хорошее»; *потс*, *потц*, *тоц* - «фалл» (а также в значении инвектива) отсюда, *шкет* «пацан*» и другие.

Исторический факт свидетельствует, что еврейская тема в аргю развивается не столько за счет гебраизмов, сколько за счет обыгрывания широкого диапазона проявлений еврейского акцента в русском языке. Удивительным фактом русской культуры является то, что еврейский акцентный комплекс (от фонетики до лексики и грамматики) не только не встречал заметного сопротивления нормативистов, но даже наоборот - заметно культивировался. Его основой является именно еврейская тема, актуальность которой, в свою очередь, обусловлена множеством причин, как социально-политических, так и лингвокультурологических.

Итак, еврейская тема в русском аргю представлена как на лексическом, так и на грамматическом, и на фонетических уровнях. На лексическом уровне это гебраизмы (и более поздние заимствования) и метафора, которая имеет конкретно-физиологическую и абсурдизирующую доминанты. В грамматике мы имеем образно-ненормативные конструкции, имеющие тот же семантический характер, что и лексическая метафора. В области фонетики и интонации еврейская тема представлена поэтико-смеховым пародированием еврейского акцента. В целом еврейский комплекс в русском аргю имеет ярко выраженный смеховой характер [7].

Цыганизмы

Цыганизмы и цыганская тема в русском воровском аргю занимают видное место. По подсчету исследователей, содержится примерно двести тридцать цыганизмов, причем около двухсот - в воровском аргю, остальные - в аргю «условно-профессиональных».

В первую очередь, следует сказать о цыганском счете. Заимствованном многими аргю (*цек*, *дует*, *трын*, *штар*, *панч* (*ж*), *шов*, *афто*, *ок(х)то*, *эня*, *деи*, *дешеуек*, *деш-дуй*). Вероятно, цыганизмы повлияли и на аргю картежников, например *трын* «три» - *трынка* «картежная карта», *трынкать* «играть в карты» [1].

Приведем другие примеры цыганизмов: *браванда* «пиво», *лава*, *лавьё*, *лавешки* «деньги», *грай*, *гряк*, *гря* «лошадь» (отсюда, вероятно, *грак* «молодой вор»), *хорь*, *харуза* «распутная женщина», *шур* «вор» (отсюда *шуровка* «воровка», *шурьё* «краденое», *шурить* «красть»), *хандырить* «идти» (отсюда *в хандыр* «вход», *хандры* «ноги»), *дей* «мать», *дат* «отец», *мордо* «рубль», *пхень* «сестра», *ракло* «вор», *рунни* «женщина», *шеро* «голова».

Фонетический облик цыганизмов в аргю варьируется очень широко. Цыганские корни легко поддаются русским словообразовательным и фонетическим влияниям, например, *штар* «четыре, четыре рубля» <*штарка*, *штарец*, *панч* «пять, пять рублей»> *паяж*, *пеньж*, *пеньжа*, *пеньжак*. Поэтому часто сближения цыганских слов с арготизмами сомнительны с этимологической точки зрения. Дело осложняется также исключительно эклектичным характером самой цыганской лексики, например, грецизмами в счете - *окто*, *охто* «восемь», а также многочисленными заимствованиями из польского, русского, румынского, немецкого и других языков [Там же].

Тюркизмы и как разновидность турцизмы

Активное арготирование в условиях современного мегаполиса подразумевает совершенно определенные черты мышления. Среднеурбанизированный человек (категория, разумеется, абстрактно-обобщенная) членит действительность на основании приоритета городских, «цивилизованных» ценностей. Неслучайно в аргю очень актуально и именно в отрицательно-оценочной тональности звучит азиатская тема. Арготирующий всегда в известном смысле западник, а не славянофил и не евразиец.

Среди тюркизмов, доживших до наших дней, можно назвать такие слова как *ахча*, *акча* «деньги», *алтуха*, *алтушка* «деньги, мелочь»; *арана заправлять* «лгать» (здесь, возможно, перенята одна из тюркских пословиц); *аршин* «стакан, кружка»; *шмалять* «обыскивать» (*ашмалаиш* «ощупка, обыск»); *бабай* «старик, ростовщик»; *бикса*, *чикса* «проститутка (возможно, от тюркского *бика*, *бикс* «барышня»); *буза* «шум, скандал»; *буцать*, *бусать* «пить, бить»; *кальмить* «работать»; *киса* «кошелек»; *сара*, *саренки*, *сарга* «деньги»; *шалман* «притон, пивная, беспорядок»; *ялда* «член половой»; *яманный* «плохой».

Многие тюркские корни имеют сложную историю: они перешли в офенское аргю, а затем в воровское и современное. Значительно меньше заимствований из кавказских языков (типа *абрек* «кавказец» или *батон* «отец» <грузинское «батону» в том же значении, хотя, впрочем, возможно и наложение с *батя*). Некоторые исследователи приводят примеры коренизмов в уголовном жаргоне, например, *аме* «конфеты».

Центром зарождения русских аргю явилось Урало-Поволжье (татары, башмиры и мещеряки) и Кавказ (азербайджанцы), области Крым (крымские татары). Слабые указания имеются на Туркестан (узбеки, казаки) и турецкую Сибирь, парадигма исторического развития турцизмов в русском аргю приводится ниже:

абас - двугривенный, *агер* - жеребец, *адаша* - нечто вроде «братишка», *азык* - сукно, *акча* - деньги <азерб. грабеж, разбой, откуда *alaman-ci* - грабитель, член замкнутой разбойничьей организации. На Балканах и в Турции имеется еще слова *alaman* ~ *alman* (немец) от фр. *алтушка* - одна копейка. Этимологически восходит к общету-рецкому *alti*; *бабай* - ростовщик, старик; дед <пов.-тат., *баи*, *babai* (старик, дед); *бардак* - дом терпимости <осм., азерб., *bardag* - рюмка, стакан, крупный горшок> [8].

Итак, относительно азиатской темы в современном русском арго можно выделить два основных пункта. Во-первых, чисто лингвистический, большую роль заимствованных тюркизмов и, во-вторых, поэтико-эстетический, целый ряд особенностей аргопоэтики, которые можно объединить в общем примитивизирующем ключе, в эстетике примитива.

Англицизмы, германизмы, галлицизмы, скандинавизмы

Пожалуй, наиболее богатую и разностороннюю историю имеют в русских арго германизмы. Вероятно предположение, что германизмами изобиливали арго еще петровской эпохи. Например, у Макса Фасмера содержится масса германизмов петровской эпохи узкопрофессионального содержания.

Основные сферы влияния немецкого языка - это профессионально-ремесленные арго. Воровское арго часто, впрочем, контаминирующее с идишем и отчасти семинаристско-студенческие арго, а также арго профессур, преподавателей, учителей.

Известный исследователь арго различных социальных слоев Б. А. Ларин показывает, что целый ряд примеров арготических терминов в языке ремесленников Поволжья произошел из германизмов.

К примеру, *агунда* «собака» (*hund*), *брот* «хлеб» (*brod*), *васер* «вода» (*wasser*), *геренка* «селедка» (*hering*), *губать* «воровать» (*geben* «давать»), *гундук*, *гундырь* «сто» (*hundert*), *драйка* «три рубля» (*drei* «три»), *комрад* «брат» (*kamerad* «товарищ»), *фатур* «отец» (*vater*), *фауль* «лодырь» (*faul* «ленивый»), *фиша* «рыба» (*fish*), *фляш* «мясо» (*fleish*), *цигаль* «коза» (*ziege*), *цукер* «сахар» (*zucker*).

Помимо заимствований из иностранных языков, в русском арго (преимущественно прошлого) есть ряд северогерманских заимствований. Среди скандинавизмов встречаются такие арготизмы как *курт* «игральная карта» (шв., норв. *kort*). Наиболее прижившимся с точки зрения словообразования оказалось древнесканд. *Stod* «столб» (швед. *stod* «изваяние, статуя»). В арго слово получило значение «доска», то есть икона.

Русский лингвист П. Н. Тиханов, изучавший тайный язык брянских нищих предполагал, что скандинавизмы проникли в феню через северогерманских паломников, ходивших в Палестину или на Афон.

От этих «ученых воров» в арго всех стран много идей и слов высокой европейской культуры, отсюда и заимствования из литературного языка - своего и других европейских в более или менее метафорическом применении. Из своего литературного языка: *академия* «тюрьма»; *поднять бокал* «обокрасть бакалейную лавку»; *фармазон** «сбывающий фальшивые бриллианты»; *база* «едкий порошок, бросаемый в глаза» (от химического термина).

К польскому литературному языку восходят наши арготизмы: *быдло*, *быдка* «корова»; *жлоб* «мужик».

К немецкому литературному восходят: *фиш* «рыба», *фрей* «человек, держащийся гордо», *рыхт* «приготовление к краже»; *третеры* «башмаки», *флюхт* «пролетка», *бурч* «сообщник» (*Bursch*). Однако в этом случае возможно и посредство еврейского жаргона (очевидное в *фрайнд*, *фегер*, *зуктер*). К французскому непосредственно восходят: *аржан* «деньги», *адья* «уходи», *атанда* «довольно», *алюра* «проститутка» (ср. *allure* «плутоватый»), *кадет* «неопытный сыщик», *марьяжить* «завлекать» о проститутке).

Все такие слова перенесены в арго лицами, владеющими иностранным языком.

***Блат*, *блатной** «блатной, преступный, преступник»; вор. *арго* «рз. *blat*, *blatny*; *rw. platt* «свой, заслуживающий доверия»; *platten* «говорить» и *Blatte* «воровской жаргон».

*Блядь** <«агент, полицейский»> *лярва*, *бикса*, *бедка*, *кошка*, *бланкетка*, *стукалка*, *целка*, *чувиха*, *шкура*, *шкурла*, *скважина*, *суфлера* - «проститутка».

*Ботать** «говорить»; *rw. botten* «есть» (известно с начала XVI в). Затруднение в семантическом расхождении, быть может свидетельствующем о древности заимствования.

*Браслеты** «наручники»; *pz. bralety*, *bransolety*; *id. Aa. Bracelet (de soie)* - *id.*

Засыпаться «попасться»; *pz. zasypac sie id.*

Капать «выдавать, доносить»; *rw. kabber id.*

Коцать «бить», *закоцать* «убить»; *pz. Kopsac*, *kobsac id.*; *rw.* в древнейших текстах *kabas*, позже с XVII в. *kobb kobib* «голова»; *jener wird gekobst* «тому разможат голову, разбить голову»; *kobsten* «разбить голову».

Кот «любовник проститутки»; *pz. kot id.*

*Ксива** (*pz. ksiwe*) «документ, паспорт». В ст. нем. вор. арго имеем *kassiwe*, *kassiwier ksiwerl id.* Возможно и независимое заимствование. Ср. еще: «быть на лаване» чешское арго *lowony*, *rw. Lawone* - луна.

Мент «милиционер, тюремный работник»; *pz. mente* «солдат».

*Скокар**, *скокер* «вор-взломщик» *rw. skokar* «квартирный вор».

Стрема, *стремить* «наблюдение караульне» «следить караулить». Ср. *rw. strohmer* «бродяга, нищий»; *strohmen* «бродить».

**Условные обозначения слов и выражений: из польского языка (сокр. Pz.), из нем. В.а. (сокр. Rw), фр. (усл. сопр. А.а).

Хава «рот»; *rw. haue* «есть».

Хавира, хавера «воровской притон» из древнееврейского; *pz. chawira* и *hawira id.* Едва ли возможно уточнить путь заимствования.

*Хаза** «притон»; *pz. chadza id* (из венгерского).

*Шпана** «мелкие воры» лица, близкие к ворами». Начиная с древнейших памятников немецкого арго зафиксировано слово *spanvelder, schwanfekder* «бродяги, род воров». Позже *spanna* «глядеть, следить, высматривать» (нов. *Spannen*). Польское арго дает *szpanowac* «присматриваться, следить».

В нескольких случаях заимствованные слова подверглись семантической ассимиляции, осмыслению, причем это повело иногда к незначительным звуковым изменениям.

Баня «вокзал» (есть и *бан id.*) из нем. *Bahn*.

Капнуть, от капать, «предать» (см. выше).

*Скокарь** (из нем. *Rw. Skoker*, см. выше) «вор-взломщик». Осмысленно посредством «скакать». Ср. еще *скакач, скакун, скачек id.* И *скакать* «воровать из квартир со взломом, воровать на площадках трамвая» [7].

Финно-угорские заимствования (венгерские, карело-финские, коми)

Из угро-финских языков получили объяснение пока только три слова: профессор Д. В. Бубриха сопоставляет *чакмо* «молчи» (в арго валяльщиков *наз антюхи*) с мордовским *чатмок, чатьмек*; вор. *коньки* «сапоги» с фин. *konka* «башмак»; вор. офенское *ловак* «лошадь» с венг. *lo* (основа *lova*) «лошадь», *чувак* «парень» (от чуди по имени финских племен, населявших Россию).

Следует особо отметить финно-угорские заимствования в русских арго, разработанные В. Д. Бондалетовым [3]. Фразеологизм «коньки откинуть» - умереть могло возникнуть на базе диалектного (севернорусс.) *каньги, каньки* - валяная обувь, валенки, являющиеся саамским заимствованием.

В языке фарцовщиков *юкс* - «рубль», от фин. *uksi* «один» [Там же].

Неологизмы

Входя в широкий профессиональный язык оборот экзотизмы (заимствования) и неологизмы в арго влекут целый ряд сложных лексикальных последований. Они отчасти разрушают старую словарную систему арго и скоро увязываются, «систематизируются» сами.

Вторым заметным последствием вторжения новых слов (заимствований и семантических неологизмов) в арго является обусловленное, подсказанное изобретение следующих метафор для устранения омонимов, для того, чтобы избежать недоразумений от двусмысленных и многозначных слов. Если слово приобрело новое значение, то для выражения первоначального значения данного слова необходимо еще новое слово. Так взятое из немецкого языка *бан* «вокзал» было ассимилировано в *баня*, но с этого момента явилась необходимость обозначить другим словом семантему *баня*, и мы имеем в арго: *митуга* «баня» (ср. в офен. *плекса* «баня»).

Лагерники придумали такие новообразования как *кантовать, филон, жмурик*. Типично воровские новообразования - *шалова (шалашовка*)*, *бикса* (чикса)*, *понт** [4].

Во многом влияние фени было обусловлено в нашей стране социально-политическими условиями, массовыми репрессиями. Безусловно, такая ситуация во многом уникальна по сравнению с другими странами, но типологически она весьма схожа с аналогичной ситуацией в Европе времен Ф. Вийона. И здесь и там мы встречаем с беспрецедентным ростом маргинальности, влияния маргиналов на язык и жизнь общества. Россия с ее идеализацией «добраго разбойника» в данном случае совершенно не оригинальна. И «славный вор Ванька Каин», и Дубровский, и Робин Гуд являлись разновидностями одного культурного (а в том числе и аргогического) архетипа.

Именно такие «культурные герои» являются проводниками (прямыми или косвенными, активными или пассивными), маргинальности в культуре и языке. Они вносят в культуру «язык ощущения того, что маргинальный арготизм это *поэтизм*, это стилистическое средство, способное предать широкий спектр настроений от ощущения безысходности, «равнодушной отчужденности» (например, у О. Мандельштама, И. И. Бродского - до революционно-романтического протеста (в босяцкой теме у М. Горького) [5].

Итак, мы имеем дело не с частным случаем, а с некоей закономерностью: в определенные эпохи маргинальные элементы культуры и языка проявляют экспансивную тенденцию и активно внедряются в язык и культуру. Культурно-психологическим основанием восприятия рядовыми носителями языка таких элементов является тот самый «архетип Робин Гуда».

В дальнейшем, авторы статьи отмечают, будет происходить динамический рост арго, увеличение сниженной лексики. Слова сниженной семантики уже сейчас являются экономным средством нашего будничного общения.

Например, ныне в русском литературном языке уверенно проникает слово *беспредел**. Первоначально (примерно конец 1920-х - нач. 1930-х гг.) оно означало в арго *высшее беззаконие*. Затем в 1940-х годах добавилось новое значение - *группировка преступников, не соблюдающая воровских законов*. Членов ее стали называть *беспредельщиками*. Затем *беспределом* в арго начали именоваться все рядовые заключенные. Оно означало также неограниченное количество чего-кого-либо. Среди деклассированных (и не только) слово *беспредел* и его производные очень распространены.

Жаргонные слова и выражения активно проникают в просторечие, так как в ряде случаев трудно провести границу между жаргоном и просторечным словоупотреблением.

Отдельные жаргонизмы уже сегодня активно употребляются в просторечии: *алья, амас, балдеть, бормотуха, будка, водила, навар, расколоть, права качать, взять на шармачка, кадрить, срубить* (чувиху, чувачка). Специфика фени проявляется как в синтагматике, так и в парагматике. Например, особенности управления у ряда глаголов «гонять, подорвать» употребляются как непереходные, что обусловлено их значениями. В литературном языке глаголы являются непереходными: «гонять» значит *ходить*, «подорвать» - *сбежать, совершить побег*.

Синтагматическое знакоотношение, трактуемое как специфическая ассоциация между элементами на уровне означаемого, объединяющая знаки, родственные по смыслу, возникают в этой области знания как совершенно новые методы анализа самых разных культурных явлений.

Уголовное арго имеют преимущественное влияние на все остальные аргы - студенческое, профессиональное и тем самым способствует образованию интержаргона. Уголовные арготизмы можно встретить среди самых разных людей. Они уже прочно вошли в разговорную речь. Такие слова как *малина** «притон», *мент* «милиционер», *брать** на *понт* «обманывать», *базарить* «говорить», *ксива** «документ» и множество других давно уже перестали быть собственно блатными словами.

При переосмыслении слов тюремно-лагерно-блатного жаргона в молодежной речи прежде всего устраняются тем элементы значения, в которых содержится указание на принадлежность выступающего к криминальной среде: *сорваться* - уйти, сбежать, в том числе с занятий, ср. арг. *сорваться* - скрыться после совершения преступления, *тика* - нож, прежде всего кухонный, ср. арг. *тикпа* - нож, заточенная арматура, напильник, отвертка, исполненные в качестве холодного оружия, *разборки* - выяснение отношений, ссора, ср. арг. *разборка* - групповое обсуждение поведения и действий вора.

Авторы статьи отмечают, что мышление невозможно без абстракций, без обобщений, конкретности, без подъема над конкретностью. Именно это отсутствует в блатном жаргоне. Оно даже общие понятия характеризует конкретными признаками. Благодаря такой особенности он кажется парадоксальным, поражает яркостью и меткостью. Блатный язык существует не потому, что мыслит, а потому что с недоступной нам остротой ощущает бренность существования. Его бытие - всегда на пределе, оно может ежесекундно оборвать любое бытие, и его бытие могут оборвать и круто переменить. Бытие вора слишком активно, чтобы породить фатализм. Бытие трагично и неожиданно, практически вся жизненная энергия тратится на то, чтобы уцелеть. Абстрактного мышления такая обстановка не стимулирует. Среди воров типичны сообразительность, быстрота реакции, энергия, решительность - все это необходимые в их ремесле качества. Просто духовная культура и воровская профессия - понятия несовместимые.

Список литературы

1. Баранников А. П. Цыганские элементы в воровском аргю // Язык и литература. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Т. VII.
2. Бахтин М. М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995.
3. Бондалетов В. Д. Финно-угорские заимствования в русских аргю: уч. пос. к спецкурсу. Самара: Изд-во СамГПИ, 1992.
4. Быков В. Русская феня. Смоленск: Траст-ИМАКОМ, 1994.
5. Васильева А. Н. Художественная речь: курс лекций по стилистике для филологов. М.: Русский язык, 1983.
6. Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001.
7. Грачев М. От Ваньки Каина до мафии. Шпора петуха. Блатная музыка и жаргон: о названиях лексики деклассированных элементов // Волга. Саратов, 1991. № 1.
8. Дмитриев Н. К. Турецкие элементы в русских аргю // Язык и литература. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Т. VII.
9. Елистратов В. С. Аргю и культура / Факультет иностранных языков. М.: МГУ, 1995.
10. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966.
11. Ораторское искусство: пос. для самост. раб. / авт.-сост. Л. Д. Алферова. СПб.: СПбГАТИ, 2005.
12. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
13. Ревзин Н. К. К семиотическому анализу «тайных языков». М.: Изд-во АН СССР, 1962.
14. Санджи-Горяева Э. С. Усечение как способ словообразования в разговорной речи // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы республиканской научной конференции (12-15.09.1972). Самарканд, 1972.
15. Снегов С. Язык, который ненавидит. М.: Просвет, 1991.
16. Сосюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
17. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М.: Русский язык, 1984.